

*Татьяна Зеликсон
Швэбиш Халл*

Опыт литературного перевода

ИСААК БАБЕЛЬ. МИНИАТЮРЫ.

ЛИНИЯ И ЦВЕТ

(Истинное происшествие)

Александра Федоровича Керенского я увидел впервые двадцатого декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года в обеденной зале санатории Олила. Нас познакомил присяжный поверенный Зацареный из Туркестана. О Зацареном я знал, что он сделал себе обрезание на сороковом году жизни. Великий князь Петр Николаевич, опальный безумец, сосланный в Ташкент, дорожил дружбой Зацареного. Великий князь этот ходил по улицам Ташкента нагишом, женился на казачке, ставил свечи перед портретом Вольтера как перед образом Иисуса Христа и осушил беспредельные равнины Аму-Дарьи. Зацареный был ему другом.

Итак – Олила. В десяти километрах от нас сияли синие граниты Гельсингфорса. О, Гельсингфорс, любовь моего сердца. О, небо, текущее над эспланадой и улетающее, как птица.

Итак – Олила. Северные цветы тлеют в вазах. Оленьи рога распростерлись на сумрачных плафонах. В обеденной зале пахнет сосной, прохладной грудью графини Тышкевич и шелковым бельем английских офицеров.

За столом рядом с Керенским сидит учтивый выкrest из департамента полиции. От него направо – норвежец Никкельсен, владелец китобойного судна. Налево – графиня Тышкевич, прекрасная, как Мария-Антуанетта.

Керенский съел три сладких и ушел со мною в лес. Мимо нас пробежала на лыжах фрекен Кирсти.

- Кто это? – спросил Александр Федорович.

- Это дочь Никкельсена, фрекен Кирсти, - сказал я, – как она хороша!

Потом мы увидели вейку старого Иоганеса.

- Кто это? – спросил Александр Федорович.

- Это старый Иоганес, – сказал я, – он везет из Гельсингфорса коньяк и фрукты. Разве вы не знаете кучера Иоганеса?

- Я знаю здесь всех, – ответил Керенский, – но я никого не вижу.

- Вы близоруки, Александр Федорович?

- Да, я близорук.

- Нужны очки, Александр Федорович.

- Никогда.

Тогда я сказал с юношеской живостью:

- Вы не только слепы, вы почти мертвы.

Линия, божественная черта, властительница мира, ускользнула от вас навсегда. Мы ходим с вами по саду очарований, в неопишемом финском лесу. До последнего нашего часа мы не узнаем ничего лучшего. И вот вы не видите обледенелых и розовых краев водопада, там, у реки.

Плакучая ива, склонившаяся над водопадом, – вы не видите ее японской резьбы. Красные стволы сосен осыпаны снегом. Зернистый блеск роится в снегах. Он начинается мертвенной линией, прильнувшей к дереву, и на поверхности, волнистой, как линия Леонардо, увенчан отражением пылающих облаков. А шелковый чулок фрекен Кирсти и линия ее уже зрелой ноги? Купите очки, Александр Федорович, заклинаю вас.

- Дитя, – ответил он, – не тратьте пороку.

Полтинник за очки – это единственный

полтинник, который я сберегу. Мне не нужна ваша линия, низменная, как действительность. Вы живете не лучше учителя тригонометрии, а я объят чудесами даже в Клязьме.

Зачем мне веснушки на лице фрекен Кирсти, когда я, едва различая ее, угадываю в этой девушке все то, что я хочу угадать? Зачем мне облака на этом чухонском небе, когда я вижу мечущийся океан над моей головой? Зачем мне линии – когда у меня есть цвета? Весь мир для меня – гигантский театр, в котором я единственный зритель без бинокля. Оркестр играет вступление к третьему акту, сцена от меня далеко, как во сне, сердце мое раздувается от восторга, я вижу пурпурный бархат на Джульетте, лиловые шелка на Ромео и ни одной фальшивой бороды... И вы хотите ослепить меня очками за полтинник...

Вечером я уехал в город. О, Гельсингфорс, пристанище моей мечты...

А Александра Федоровича я увидел через полгода, в июне семнадцатого года, когда он был верховным главнокомандующим российскими армиями и хозяином наших судеб.

В тот день Троицкий мост был разведен. Путиловские рабочие шли на арсенал. Трамвайные вагоны лежали на улицах плашмя, как издохшие лошади.

Митинг был назначен в Народном Доме. Александр Федорович произнес речь о России – матери и жене. Толпа удушала его овчинами своих страстей. Что увидел в оцетинившихся овчинах – он, единственный зритель без бинокля? Не знаю. Но вслед за ним на трибуну взошел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставлявшим никакой надежды:

- Товарищи и братья...

